

Н. А. УТКИНА

К ИСТОРИИ МУЗЕЕФИКАЦИИ НИЖЕГОДСКОГО КРЕМЛЯ «С ОТТОЧЕННЫМ КАК ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ ВЕРХОМ ГОЛОВЫ» ИЛИ «ГОЛОВА ЛЫСАЯ, КАК ГОЛАЯ КОЛЕНКА!»

Статья посвящена попытке идентифицировать образ лысого человека в Ивановской башне Нижегородского кремля с В.И. Лениным. Такое отождествление провел нижегородский архивист И.И. Вишневский в 1926 г. с целью использовать образ Ленина для сохранения Нижегородского кремля, формирующего архитектурный облик города. Рассматривается вопрос о достоверности приведенных сведений, а также история музеефикации кремлевских башен во второй половине XIX–XX в.

Ключевые слова: В.И. Ленин, И.И. Вишневский, В.А. Десницкий, Ивановская башня, Нижегородский кремль, музеефикация, образы прошлого, воспоминания.

Историей Нижегородского кремля на протяжении пяти веков его существования занимались историки, краеведы, архивисты, архитекторы. Они отмечали значение кремля как символа исторической памяти нижегородцев, основы их культурной самоидентификации. Знатокам городской старины неоднократно приходилось выступать инициаторами проведения работ по ремонту и реставрации стен и башен кремля, а нередко и спасению его сооружений от разрушения временем и деяниями человеческих рук. Большое значение имело при этом историческое значение той или иной башни, ее роль в важных событиях прошлого. Не обошло стороной это стремление и деятелей первых лет Советской власти.

В октябре 1926 г. заведующий секцией культуры и быта Нижегородского губернского архивного бюро Иван Иванович Вишневский подготовил статью «Забытое подполье большевиков»¹, в которой заявил о посещении В.И. Ульяновым (Лениным) летом 1901 г. Ивановской башни Нижегородского кремля. Будущего создателя и руководителя Советского государства якобы привел один из деятелей нижегородского подполья В.А. Десницкий. В основу системы доказательств И.И. Вишневого легли воспоминания его брата Павла Ивановича Вишневого (коменданта Ивановской башни в 1899–1902 гг.) не столько о фактических подробностях посещения, сколько о сохранившемся в его памяти ярком, не оставлявшем сомнений, образе человека с лысой головой: «Сюда, в Ивановскую башню, приводил однажды летом, в июне 1901 г. Десницкий В.А. гражданина с отточенным как из слоновой кости верхом головы, в особый отсвет попала эта голова и до сих пор мерещится

---

¹ ЦАНО. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

б[ывшему] заведующему Ивановской башней, помнит он клетчатое пальто на руке этого гражданина, он очень интересовался «золотыми грамотами» дельцов Черного Передела (древними столбцами) и из башни отправился прямо на пароход. Уверенно говорит б. заведывающий Ивановской башней, что это был проездом В.И. Ульянов-Ленин»².

Показательно здесь то, что статья начинается с описания внешнего вида и состояния Ивановской и Белой кремлевских башен: «Величаво стоят две, опозоренные невежественностью башни Нижегородского каменного кремля. Твердо их устало италийское строительное искусство 1508–1510 гг. в слабо населенной тогда местности для выполнения длительного порыва московского царства к захвату в свое распоряжение Нижнего Волжского бассейна, чтобы дать перевес оседлому населению над кочевым, постоянно грабившим первое. Никогда эти башни не видали такого позора, как теперь: они сожжены, они растащены»³. Обращает внимание то, как автор этих строк играет на контрастах представления образа башен. Они – величавые, возведенные искусством. Эта величавость не приуменьшается позором невежественности, пожаров и разграбления. Последние характеристики приложимы ко времени, которое является настоящим для И.И. Вишневого. Он подводил читателя к мысли, что позор застиг эти бастионы уже в Советское время. Позор должен стать укором новой власти, которая не смогла, в отличие от дореволюционных правителей, оберечь сохранность древнейшего сооружения Нижнего Новгорода. Здесь можно согласиться с мнением нижегородского исследователя Т.П. Виноградовой о том, что «Кремль в России исторически ассоциируется с властью. Особым содержанием это единение наполнилось в советскую эпоху...»⁴. Поэтому именно власть должна заботиться о сохранении своего «оплота», и нижегородцы следует помнить, что в стенах кремля шла подготовка к вооруженному восстанию в городе в октябре 1917 г.

Далее в статье Вишневого следует рассказ о том, что совсем недавно они «лучше всех башен были устроены, в стенах их хранились ценнейшие исторические материалы, и они сыграли особенную роль в период времени с 1899 по 1905 г. для Нижегородского комитета Социал-Демократической партии с большевистским уклоном»⁵. Созданное ранее настроение и впечатление от деятельности по охране облика башен после 1917 года теперь уже формулируется без обиняков.

---

² Там же. Здесь и далее сохранены авторские орфография и пунктуация.

³ Там же.

⁴ Виноградова. 2002. С. 9.

⁵ ЦАНО. Ф. 2222. Оп. 1. Д.8. Л.3.

И.И. Вишневецкий сообщал, что в Белой башне в те годы работал уже упомянутый Василий Алексеевич Десницкий, который занимался разбором хранившегося в ней ярмарочного архива, а Ивановская башня использовалась для конспиративных заседаний нижегородского социал-демократического комитета, «свиданий» с рабочими из села Сормова, хранения партийного архива, тайной ночевки. По словам И.И. Вишневецкого, «в 1901 г. в Ивановской башне шли ожесточеннейшие дискуссии об отношении к Еврейскому бунду и Польскому Комитету, от которых из центрального комитета был делегатом с фамилией Амосов, здесь в башне яро обсуждался вопрос в каком виде дать мандат на Лондонский Съезд 1901 г. делегатам, предоставить ли им право выходить из рамок его или они должны держаться его строго, не превышая уполномочий». Надо отметить, что съезд РСДРП в Лондоне – второй по счету – проходил в 1903 г. Рассказчик в данном случае ошибся. И.И. Вишневецкий вспоминал, что в то время захаживал к брату в Ивановскую башню, но иногда вынужден был быстро уходить, так как там намечалось партийное заседание «сормовичей». Эта мемория должна удостоверить факт нелегальных сходов в Ивановской башне нижегородских социал-демократов. В заключение автор статьи упоминал, что «в виду празднования 30-летия парторганизации следовало бы отремонтировать башню в том виде, как она была в 1901 г.»⁶. Мотив приурочения восстановления башен к тому или иному юбилейному событию в жизни города, мы увидим в дальнейшем и в других проектах по сохранению кремля.

В октябре 1927 г. в Нижнем Новгороде, как и по всей стране, шла подготовка к празднованию десятилетия Октябрьской революции и «выкапывается все, что относится к революционному движению»⁷. Вопрос о ремонте башен стал актуальным в свете возможного использования юбилея как повода для реконструкции бастионов.

7 октября 1927 г. И.И. Вишневецкий вернулся к обсуждению со своим братом вопроса пребывания В.И. Ленина в Ивановской башне. Брату на этот раз удалось даже вспомнить названное имя человека: «в 1901 г. В.А. Десницкий пришедшего с ним гражданина назвал «Владимир Ильин». Бывший заведующий Ивановской башней знал его по изученным фотографическим карточкам. Это был несомненно Владимир Ильич Ульянов-Ленин, но тогда мы знали, говорит он, его два псевдонима «Владимир Ильин» и «Тулин» и высоко ценили его»⁸. 8 октября 1927 г. И.И. Вишневецкий написал об этом в Нижегородский Истпарт.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 59. Л. 1.

⁸ Там же. Оп. 1. Д.8. Л. 5об.

Оттуда потребовали подтверждений. Тогда П.И. Вишневский посоветовал брату «списаться» с В.А. Десницким, работавшим на тот момент в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена.

Письмо Вишневского к Десницкому также датировано 8 октября. Он послал ему копию своей «записки» и просил «на препровождаемой при сем копии сделать надпись, что тут верно и что не правильно и дополнить, кто бывал еще в башнях, сколько было заседаний, что на них рассматривалось и т.п.». В конце письма И.И. Вишневский недвусмысленно заявил о своих мотивах: «от Вашего сообщения, Вас.[илий] Ал.[ексеевич], будет зависеть многое: а) башни несомненно будут отремонтированы и б) лично выйду из неловкого положения: вот, дескать, нагородил, а подтвердить на может!»⁹.

Ответ В.А. Десницкого пришел быстро – 14 октября 1927 г. В нем говорилось: «Дорогой Иван Иванович! Мне жаль Вас огорчать, но должен: в указанное время В.И. Ленин не был в Н. Новгороде, не был и не мог быть со мной в Ивановской башне. Мне некогда сейчас навести точную справку... где он был в это время – за границей или еще в Пскове». Далее он указывает и на другие неточности: «Амосов из ЦК (был, действительно, Амосов, но он к ЦК имел весьма отдаленное отношение), споры о «Лондонском съезде 1901 г.» (?), – если речь идет здесь о 2 съезде партии, то послан я был на него без всяких особых ограничений и т.п. “Кабальными грамотами” интересовался я сам (Павел Иванович напутал!), потому что в то время как студент писал работу проф. Дьяконову о кабальном холопстве». На аргумент «лысой головы» Десницкий реагировал так: «...не знаю, кто остался в памяти у П.И. как Ленин, м.б. член Нижегородского комитета РСДРП Войткевич (голова лысая, как голая коленка!) или кто другой». А про Ленина он и вовсе пишет: «Боюсь, что он и не был в Нижнем никогда, во всяком случае, как революционный деятель...». «Так что, – заключал Десницкий, – спасти Вам башни под векселя памяти В.И. Ленина не удастся». Тем не менее, он поддерживал И.И. Вишневского в этих благородных планах и подтверждал значение кремлевских башен для истории революционного движения: «и без связи с посещением Ленина Ваши башни имеют полное право на вхождение в историю революционного движения в Нижнем и Сормове. При мне башни служили и архивом Комитета, и складом текущей агитационно-пропагандистской литературы, и местом для идеальной ночевки, и явкой. И сам я там находил наилучшее отдохновение, привет и ласку у друга юности Павла Ивановича (горячий привет ему мой!). Если Ваши

---

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 59. Л. 1.

башни не видели в своих стенах В. Ильича, то бывал в них и Л.Б. Красин, и... крупнейший партийный деятель той поры Иннокентий Дубровинский, Рыков и целый ряд других центральных и местных работников партии». В.А. Десницкий выразил готовность дать о башнях «соответствующую заметку за личной подписью» и, извиняясь, замечал: «Ваша – же заметка, в том виде, как она написана, никуда не годится (не сердитесь!): в ней рядом с верным большое количество творимой легенды»¹⁰.

Казалось бы, на этом история должна была закончиться, Истпарт не мог обнародовать сведения И.И. Вишневого при наличии опровержения В.А. Десницкого. Тем не менее, приближался тридцатилетний юбилей организации Нижегородского комитета РСДРП (организован в 1901 г.) и 3 ноября 1931 г. И.И. Вишневецкий, занимавший должность архивариуса паровозно-конструкторского бюро завода «Красное Сормово», пишет заметку в газету «Правда»¹¹. Точно так же, как и раньше, он начинал ее с описания неприглядного состояния Ивановской и Белой башен кремля, затем раскрывал их роль в истории революционного движения в Нижнем и Сормове, исключая упоминание «Амосова из ЦК» и неверной даты Второго съезда. Остался здесь и гражданин с «отточенным как из слоновой кости верхом головы» и на всю жизнь сохранившиеся впечатления брата П.И. Вишневецкого. Заключал он свою статью выводом, что ввиду празднования тридцатилетия Нижегородского комитета «следовало бы отремонтировать башни в том виде, как они были в 1901 г.»¹². На рукописи статьи стоит печать: ««Правда» 5 ноября 1931 г.», однако, в номерах за 1931 г. ее обнаружить не удалось.

Вопрос о сохранении кремлевских башен входил в сферу интересов архивиста и исследователя нижегородских древностей И.И. Вишневецкого еще с 1880–1890-х гг. Его интересовали еще неразобранные нижегородские архивы, хранившие множество тайн. Из этого интереса проистекало внимание к кремлевским башням, так как большая часть архивов была тогда рассредоточена в их помещениях. И.И. Вишневецкий разбирал архивы Нижегородской духовной консистории, Казенной палаты, губернского земства, уездных судов, собирал материалы о потомках Кузьмы Минина, о предках А.С. Пушкина, об И.Н. Ульянове, о Н.И. Лобачевском и других знаменитых нижегородцах. Он стал одним из организаторов нижегородского архивного строительства после 1917 г., спас множество документов от забвения и физического уничтожения.

---

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

¹² Там же.

О состоянии кремлевских башен И.И. Вишнеvский несколько раз докладывал еще до 1917 г. на заседаниях Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК), членом которой он был. К слову, НГУАК сразу после своего открытия (1887) разместилась в Ивановской башне. Общеизвестными стали слова В.Г. Короленко об архивной работе в Ивановской башне, интерьеру которой также уделяется внимание: «в молчаливой исторической башне, высящейся над современной сутолокой Нижнего базара, Миллионки и волжских пристаней. Они [деятели НГУАК] отрывались от работы, чтобы отдохнуть, выпить по стакану чая, и со стен на них глядели принадлежности будущего музея, начиная с кольчуг, шишаков и копий и кончая ременными кнутами и трехвостками»¹³.

Вопрос о неудовлетворительном состоянии башен и стен кремля обсуждался на заседаниях НГУАК в декабре 1894 г. Члены комиссии констатировали, что некоторые башни «находятся в крайне печальном положении: с обрушившимися в разных местах сводами и лестницами, полуразрушенными дверями, с обвалившеюся облицовкой, заваленные мусором»¹⁴. 10 декабря архивной комиссией было направлено ходатайство в городскую думу о приведении в порядок кремлевских стен и башен. Момент был выбран удачно – Нижний Новгород готовился к проведению в 1896 г. XVI Всероссийской художественной и промышленной выставки и, по мнению архивной комиссии, «многие из посетителей ее пожелают, без сомнения, обозреть этот памятник древности»¹⁵. На тот момент уже было принято решение о реставрации Дмитровской башни кремля для размещения в ней городского художественного и исторического музея (постановление городской думы от 15 июля 1894 г.) и средств на восстановление остальных башен у города не оказалось.

В октябре 1895 г. на одном из заседаний НГУАК И.И. Вишнеvский вновь указывал на «крайне жалкое состояние»¹⁶ башен и стен Нижегородского кремля, а в ноябре в архивную комиссию было направлено письмо городского головы барона Д.Н. Дельвига с запросом о том, какие из башен кремля могут быть открыты для свободного доступа публики в период работы Всероссийской выставки. НГУАК ответила, что желающие могут осмотреть два верхних этажа Ивановской башни, где размещается архивная комиссия. Из других башен большинство (Георгиевская, Спасская, Тверская, Никольская и Коромыслова) «обозрению не доступны, т.к. заняты архивом губернского правления, казенным ве-

¹³ Сборник памяти В.И. Снежневского ... 1908. С. 20.

¹⁴ Действия НГУАК. Журнал XXX заседания. 19 марта 1895 г. С. 27.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Действия НГУАК. Журнал XXXIV заседания. 22 октября 1895 г. С. 15.

домством и управлением Аракчеевского корпуса»¹⁷. Башни Тайницкая, Северная и Часовая «находятся в состоянии, неудобном для их осмотра, т.к. внутренняя часть их находится в полуразрушенном виде»¹⁸, а Белая (или Симеоновская) занята делами архивной комиссии.

В итоге к 1896 г. была приведена в порядок лишь Дмитровская башня. Работы по ее реставрации начались 24 июня 1895 г. под руководством гражданского инженера П.П. Малиновского. Проект реставрации был выполнен академиком Н.В. Султановым и утвержден Императорской Археологической комиссией (ИАК) в Петербурге. При разработке проекта предполагалась утилитарная цель – «приспособление под музей»: были предусмотрены большие окна в верхней части башни, балконы по стенам для размещения витрин с археологическими коллекциями, для правильного освещения художественных произведений спроектирован верхний свет в виде стеклянного фонаря современной конструкции. Предполагалось, что он будет скрыт башенными зубцами и не нарушит «древней» архитектуры башни. Проект Султанова получил неоднозначную оценку со стороны нижегородской общественности, деятелей НГУ-АК, художников, архитекторов, но благодаря жесткой позиции губернатора Н.М. Баранова, отстаивавшего султановский проект, в результате был реализован именно он. Реставрационные работы были окончены в мае 1896 г., а 25 июня в стенах башни состоялось торжественное открытие Нижегородского городского художественного и исторического музея. Дмитровская башня с тех пор стала своеобразным символом города, но время показало, что как музейное помещение она выбрана неудачно – подземные воды и непродуманность отопления стали губительными для художественных произведений уже в начале 1900-х гг.

Еще два выступления И.И. Вишневого, связанные с проблемами сохранения кремля, были озвучены на заседаниях НГУАК 22 октября и 5 декабря 1909 г. В октябре И.И. Вишневский заявил о необходимости исследования подвалов башен и существующих под ними, по преданию, тайных подземных ходов. Чтобы окончательно выяснить этот вопрос, собравшимися было высказано предложение обратиться к министру внутренних дел «с просьбой об охране кремля и производства исследования кремлевских башен, хотя бы ко времени юбилейных торжеств»¹⁹. Видимо, имелся в виду юбилейный для Нижнего Новгорода 1912 год. 5 декабря 1909 г. в докладе «О положении Нижегородского

---

¹⁷ Действия НГУАК. Журнал XXXV заседания. 25 февраля 1896 г. С. 19.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Действия НГУАК. Журнал 101 заседания. 22 октября 1909 г. С. 7.

Кремля» И.И. Вишневский выразил озабоченность сохранностью архива губернского правления, находящегося в Георгиевской башне, «куда ходить небезопасно, так как своды начинают обваливаться»²⁰. Кроме того, он напоминал о необходимости выяснить вопрос, кому же принадлежит кремль – городу или казне, и кто должен выделять деньги на его реставрацию. В заключение он высказался о возможной передаче башен и стен в ведение архивной комиссии. Последняя мысль Вишневского была отклонена, но собравшиеся решили поручить ему, А.Я. Садовскому и И.М. Волковичу осмотреть башни кремля и доложить об их состоянии, а также просить А.М. Меморского выяснить вопрос об охране кремля с директором Императорского Археологического института²¹.

К сожалению, и в 1912 г. в этом отношении ничего не было сделано. После Октябрьской революции 1917 г. многие башни кремля оказались без надзора и были заброшены. В период Гражданской войны кремль был закрыт для посторонней публики, но это не способствовало его сохранению: расквартированные там воинские части не уделяли внимания его состоянию, из-за бесконтрольности начальства солдаты нередко из любопытства взламывали башни, результатом подобной халатности нередко становились пожары, уничтожавшие деревянные перекрытия башен и хранившиеся в них архивы²².

В 1920-е гг. в дело спасения кремлевских стен и башен включились Нижегородская археолого-этнологическая комиссия (НАЭК) – приемница НГУАК, а также Секция по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Губмузей) губернского отдела народного образования (Губоно). В апреле 1921 года председатель НАЭК А.Я. Садовский (последний председатель НГУАК) подготовил сообщение «Краткие сведения о Нижегородском кремле», где указывал на крайнюю запущенность территории кремля: горы земли и строительного мусора, образовавшиеся в ходе строительства и ремонта кремлевских зданий, заваленные мусором и «отбросами» подвалы некоторых башен, обрушение деревянных перекрытий, глубокие трещины по стенам. А.Я. Садовский настойчиво предлагал начать ремонт уже в текущем году, так как 1921 год должен был стать годом празднования 700-летия основания Нижнего Новгорода. Снова юбилейная дата могла сыграть в пользу памятника.

Губмузей не мог оставаться в стороне, так как охрана памятников находилась непосредственно в его ведомстве. На одном из заседаний

---

²⁰ Действия НГУАК. Журнал заседания 5 декабря 1909 г. С. 29.

²¹ Там же. С. 24.

²² *Галай*. 1989. С. 124.

Комитета по организации юбилейных мероприятий 1921 г. при Губисполкоме, Губмузей был назначен ответственным за организацию выставки к 700-летию города в Нижегородском историческом музее, ему же было поручено начать работы по ремонту и реставрации Нижегородского кремля «в ознаменование вышеназванной годовщины»²³.

Сохранностью Нижегородского кремля были обеспокоены и в центральных органах охраны памятников. Так, в октябре 1921 г. в нижегородский Губмузей было прислано отношение руководящего органа – Главмузея [Музейный отдел Главнауки (Главного управления научными и научно-художественными учреждениями)]. В нем помимо прочих содержались предписания по обследованию и ремонту кремля: сбору архивных материалов, чертежей, фотографий, обмеру стен и башен, составлению сметы на ремонтные работы на 1922 г.²⁴.

В 1921 г. ничего из запланированного в отношении кремля не осуществилось, а в 1922 г. Губмузей и вовсе был расформирован и восстановлен как подотдел Губоно только в мае 1923 г., с одной штатной единицей²⁵. Вопрос о состоянии кремля продолжали разрабатывать члены НАЭК, в частности профессор геологии Нижегородского госуниверситета Н.М. Романов, занимавшийся изучением грозящей кремлю опасности оползней. В мае и июле 1924 г. Главнаука снова «забила тревогу» и отправила в Губмузей и Губисполком письма с требованием разобраться в положении кремля. В письме в Губисполком отмечалась важность Нижегородского кремля не только для истории города, но и «вообще Московского государства», для знакомства с бытом прошедших исторических эпох²⁶. По инициативе заведующих Губоно и Губмузеем в июле 1924 г. была создана комиссия по охране нижегородских памятников, в состав которой вошли представители Губисполкома, Губоно, коммунального отдела, управления губернского инженера, исполняющий обязанности зав. Губмузеем А.И. Иконников, художник Н.В. Ильин, председатель НАЭК А.Я. Садовский, Н.М. Романов²⁷. Результатом стало решение Губисполкома выделить в 1925 г. на ремонт крыш башен 3000 руб. (была отремонтирована лишь часть крыши Алексеевской башни), а в 1926 г. на средства Горсовета был произведен ремонт крыши Георгиевской башни и исправлена часть стен²⁸.

²³ ЦАНО. Ф. 120. Оп. 5. Д. 72. Л. 42.

²⁴ Там же. Д. 818. Л. 27.

²⁵ Там же. Оп. 15а. Д. 4. Л. 109.

²⁶ *Галай*. 1989. С. 127.

²⁷ Там же. С. 129.

²⁸ Там же. С. 131.

Таким образом, к моменту написания статьи И.И. Вишневым (1926 г.) проблема ремонта башен все еще не была решена. Братья Вишневы состояли членами НАЭК и были в курсе дела. Это могло послужить толчком к попытке связать Ивановскую башню с фигурой Ленина.

Возвращаясь к истории с его посещением, необходимо рассмотреть ее достоверность. Из сопоставления исторических фактов можно сделать вывод о том, что существует достаточно большая вероятность того, что В.И. Ульянов (Ленин) действительно заходил в Ивановскую башню летом, но не в 1901 г., как утверждает П.И. Вишневский, а в 1900 г. Именно в июне 1900 г. нижегородскими (горьковскими) историками зафиксирован последний приезд его в Нижний Новгород, а из сказанного В.А. Десницким следует, что конспиративная резиденция социал-демократов к тому времени уже находилась в Ивановской башне. По прошествии лет точная дата могла стереться из памяти П.И. Вишневого, мы видим как братья Вишневы вольно обращаются, например, с датой Второго съезда РСДРП, называя его «Лондонским съездом 1901 г.», при том, что он состоялся в 1903 г. Кроме того, из «Биоэпикрики» В.И. Ленина известно, что почти весь 1901 г. (с мая по декабрь) он провел в эмиграции, проживая в Мюнхене, откуда руководил созданием боевой марксистской рабочей партии в России и изданием газеты «Искра».

Неясным остается заявление Десницкого о том, что Ленин «...и не был в Нижнем никогда, во всяком случае, как революционный деятель». Можно допустить, что он не знал о его приездах в Нижний в 1893 и 1894 гг., так как включился в деятельность нижегородского социал-демократического движения лишь в 1897 г. Однако во многих исследованиях, посвященных посещению Лениным Нижнего Новгорода, Десницкий упоминается в числе тех, кто присутствовал на встрече В.И. Ульянова (Ленина) с нижегородскими социал-демократами в июне 1900 г. на квартире сестер Невзоровых²⁹, к сожалению, чаще всего без ссылки на источники. В воспоминаниях непосредственных участников этого собрания С.П. Невзоровой-Шестерниной³⁰ и ее мужа С.П. Шестернина³¹, конкретные фамилии участников не называются. Вероятно, горьковские историки включали Десницкого в число участников встречи «по умолчанию», пытаясь очертить возможный круг деятелей нижегородского марксистского подполья. Очевидных причин скрывать факт знакомст-

---

²⁹ См. напр: Воспоминания нижегородцев ... 1960. С. 16; *Фадеев, Шульгин., Парусов* ... 1961.; *Товарищ Ленин* ... 1969. С. 100; *Лугинин, Потапова* ... 1970. С. 52; *Макаров* ... 1986. С. 47; «Прост, как правда» ... 1988.

³⁰ *Невзорова-Шестернина*. 1969. С. 95-102.

³¹ *Шестернин*. 1969. С. 103-105.

ва с Лениным в Нижнем Новгороде в 1900 г. у Десницкого в 1927 г. не было. Несмотря на то, что в 1917 г. он разошелся с большевиками во взглядах, не приняв идею Ленина о пролетарской революции, а в 1919 г. совсем отошел от политики, занявшись литературоведением, Десницкий продолжал считаться «старым большевиком» и «соратником Ленина». Упомянувшиеся в качестве участников собрания в доме Невзоровых в июне 1900 г. А.Ф. Войткевич и М.И. Самылин в своих воспоминаниях также называли более поздние даты знакомства с Лениным³², и у них не было оснований «забывать» факт знакомства в июне 1900 г.

Сведения о существовании в Ивановской башне подпольной резиденции комитета РСДРП были опубликованы доцентом Горьковского госуниверситета К.П. Масловым в «Горьковской правде» в 1974 г.³³ к 70-летию первой российской буржуазно-демократической революции, а в научный оборот введены в монографии 1979 г.³⁴

Выражаясь современным языком, И.И. Вишневецкий попытался актуализировать нижегородское наследие, связанное с историей революционного движения. Сущность такой актуализации объясняется как «деятельность, направленная на сохранение и включение культурного и природного наследия в современную культуру путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации»³⁵. Возможность развертывания потенциала историко-революционного прошлого Ивановской и Белой башен И.И. Вишневецкий увидел в надвигающихся юбилейных событиях – десятилетия Октябрьской революции и тридцатилетия создания Нижегородского комитета РСДРП.

В качестве приоритетного способа актуализации наследия выступает его музеефикация – «процесс преобразования историко-культурных и природных объектов в музейные объекты, предполагающий этапы их выявления, исследования, консервации, реставрации, экспозиционной интерпретации и дальнейшего использования в качестве объектов музейного показа»³⁶. В процессе музеефикации памятников архитектуры значительную часть занимает реставрация. В нашем случае – необходимые ремонтно-восстановительные работы для приведения башен в тот вид, в котором они «видели» Ленина. Если бы эта идея И.И. Вишневецкого получила поддержку, в Ивановской башне вполне мог бы появиться музей, визуально раскрывающий роль Ленина в истории нижегородского

---

³² Маслов. 1979. С. 125.

³³ Маслов. 1974.

³⁴ Маслов. 1979. С. 205–207.

³⁵ Словарь ... 2009. С. 49.

³⁶ Там же. С. 55.

революционного движения. Историко-революционный музей в то время как раз создавался в городе по инициативе уполномоченного нижегородского Истпарта В.Т. Илларионова. К 1927 г. историко-революционная экспозиция занимала десять залов в помещении Нижегородского историко-бытового музея³⁷. На тот момент весенний приезд В.И. Ульянова в Н.Новгород в 1900 г. считался последним³⁸, его июньский приезд был доказан гораздо позднее (в 1956 г.)³⁹. Видимо поэтому заявление Вишневого казалось тогда абсолютно невозможным.

Примечательно, что в основу своей системы доказательств Вишневский рискнул положить именно зрительный образ Ленина, который произвел сильное впечатление на его брата. Для И.И. Вишневого образ историко-революционного прошлого всего города и кремля как его центра, слился с образом Вождя, с его характерной особенностью – «отточенным как из слоновой кости верхом головы». Уверения брата, для которого лицезрение Ленина стало едва ли не самым ярким впечатлением в жизни, были для него действенным аргументом, способным изменить облик кремля. В.А. Десницкий в этом случае больший реалист: будучи уверенным, что не приводил туда Ленина, он беспощадно снижает пафос «слоновой кости» прозаичной «голой коленкой». Понятно, что последнее сравнение уже не могло стать достойным символом причастности Ивановской башни к личности В.И. Ленина – олицетворения всего революционного движения. Много лет спустя, к 50-летию Октября (1967 г.) в г. Горьком (Нижнем Новгороде) будет музеефицирована квартира Невзоровых и в ней появится экспозиция, посвященная собранию нижегородских революционеров в июне 1900 г. под председательством В.И. Ульянова (Ленина).

Несмотря на обилие ярких подробностей (лысая голова, клетчатое пальто), попытка визуализации прошлого, предпринятая И.И. Вишневым, не стала достаточным обоснованием для тех, кто занимался историей нижегородского революционного движения, и не была одобрена властью. Поэтому его предложения так и остались на страницах черновиков статей и в строках писем. Все же необходимо отдать должное этому благородному поступку в вопросе сохранения башен, куда архивист в буквальном смысле ходил каждый день «на работу». Понятно его стремление зацепиться за воспоминания своего брата почти тридцатилетней давности, так как та или иная степень приближенности к личности В.И.

---

³⁷ Илларионов. 1927. С. 5.

³⁸ Илларионов. 1925. С. 2.

³⁹ Маслов. 1979. С. 122.

Ленина в то время могла стать судьбоносной как для человека, так и для памятника архитектуры, а его образ, словно отделившись от реальной личности, становился символом борьбы и революции, новой эпохи.

Сведения И.И. Вишневого о Ленине в данном случае не могут быть опровергнуты. Аргументов Десницкого для этого недостаточно, но и новых сведений нет. В силу изложенных выше причин, посещение Лениным Ивановской башни, но в 1900 г., представляется вполне реальным. Поэтому данный вопрос остается открытым.

Попытки музеефикации, а значит сохранения и восстановления облика нижегородских кремлевских башен, можно проследить еще с 1860-х гг. В 1867 г. секретарь нижегородского статкомитета А.С. Гацкий, руководивший сбором предметов старины для будущего исторического музея, обратился к губернатору А.А. Одинцову с просьбой выделить для музея одну из башен кремля. В октябре того же года Гацким, Одинцовым, городским головой И.С. Кварталовым и архитектором Н.А. Фрелих была осмотрена и назначена для приспособления под музей Тайницкая башня⁴⁰. Однако, ни ремонт, ни передача башни музею так и не были осуществлены. С организацией НГУАК мы видим частичную музеефикацию Ивановской башни, где размещались коллекции, собранные Гацким, ставшим председателем архивной комиссии и не оставлявшим идею создания в Нижнем Новгороде исторического музея.

В 1885 г. Нижегородское отделение Императорского Русского Технического общества предлагало разместить в одной из башен кремля кустарный музей⁴¹. В 1894 г. нижегородский художник А.А. Карелин предложил проект реставрации Георгиевской башни для размещения в ней выставки картин на исторические темы из эпохи Смутного времени⁴². Проект был отклонен, а предполагаемые для этого средства решили направить на реставрацию Дмитровской башни, в которой в 1896 г. был открыт Нижегородский городской художественный и исторический музей. В 1910 г. инженер-капитан С.Д. Думаревский выполнил проект приспособления под музей Аракчеевского кадетского корпуса Коромысловой башни кремля⁴³, но он был отвергнут ИАК ввиду неточности исполненных чертежей. В дальнейшем этот вопрос рассматривался 7 октября 1915 г. на заседании ИАК с участием представителей Академии художеств, Синода, Общества защиты памятников старины и искусства

---

⁴⁰ Нижегородский Сборник ... 1875. С. 211.

⁴¹ По поводу двух заседаний ... 1885. С. 5.

⁴² Протокол XIV очередного собрания... 14 июля 1894 г. С. 24-29.

⁴³ Давыдов. 2001. С. 109-114.

и др. В результате, в силу недостаточности данных о первоначальном облике Коромысловой башни и невозможности получения их путем дополнительных исследований из-за отсутствия средств, постановили «ограничиться лишь ремонтом башни в существующем виде, с отводом вод от нее»⁴⁴. Первая мировая война и революционные события 1917 г. помешали осуществить музеефикацию Коромысловой башни.

Заботы по сохранению кремля в 1920–30-х гг. полностью легли на плечи Нижегородского (Горьковского) краеведческого музея. Главным для кремлевских башен продолжал оставаться вопрос не приспособления под музей, а ремонта и охраны от самовольного уничтожения. Настоящий подвиг по восстановлению кремлевских башен совершил в 1949–69 гг. горьковский (нижегородский) реставратор С.Л. Агафонов.

В 1958 г. кремль вошел в состав созданного Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника. Сегодня в помещении Дмитровской башни проводятся временные исторические выставки из фондов музея-заповедника, а в Ивановской башне располагается постоянная экспозиция «Подвиг народного единства», посвященная Нижегородскому ополчению 1612 года. В определенном смысле проект И.И. Вишневого воплотился, но в обратной последовательности. Замысел архивиста заключался в том, чтобы образ (Ленина), пропагандируемый официальной идеологией, подтолкнул власти к восстановлению облика башен, и они бы стали музейными площадками. В реальности получилось так: сначала восстановление кремля, затем – через продолжительное время – музеефикация отдельных башен и представление в них конкретных образов прошлого.

Практика увязки юбилейных событий с сохранением тех или иных памятников не потеряла своей актуальности и сегодня. Именно к торжествам 2012 года нижегородскими властями было инициировано восстановление Зачатской (Зачатьевской) башни кремля. В связи с этим уже в скором времени нижегородским археологам, историкам и музейщикам предстоит решать вопросы музеефикации выявленных в ходе работ объектов археологического и культурного наследия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2222. Оп. 1. Д.8. Л.3.
Виноградова Т.П. Нижегородский кремль и власть // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века: Материалы второй областной научной конференции 5-6 декабря 2001 г. Н.Новгород, 2002. С. 9-14.
Воспоминания нижегородцев о В.И. Ленине. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1960. 279 с.

---

⁴⁴ Там же. С. 113.

- Галай Ю.Г. Хранить истории следы. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1989. 152 с.
- Давыдов А.И. Проекты музеефикации башен Нижегородского кремля конца XIX – начала XX века (к истории становления научных методов охраны и реставрации памятников) // Нижегородский кремль. К 500-летию основания каменной крепости – памятника архитектуры XVI века: Материалы научной конференции 13-14 сентября 2000 г. Н.Новгород, 2001. С. 109-114.
- Действия НГУАК. Журнал XXX заседания. 19 марта 1895 г.
- Действия НГУАК. Журнал XXXIV заседания. 22 октября 1895 г.
- Действия НГУАК. Журнал XXXV заседания. 25 февраля 1896 г.
- Действия НГУАК. Журнал 101 заседания. 22 октября 1909 г.
- Действия НГУАК. Журнал заседания 5 декабря 1909 г.
- Илларионов В. В.И. Ленин в Нижнем // Нижегородская коммуна. 1925. №30. 6 февраля. С. 2.
- Илларионов В. Нижегородский историко-революционный музей // Нижегородская коммуна. 1927. №299. 30 декабря. С. 5.
- Лугинин А.А., Потапова Е.Д. В.И. Ленин в Нижнем Новгороде. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1970. 80 с.
- Макаров Г.Н. В.И. Ленин и нижегородские рабочие-революционеры (1891–1917). Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1986. 190 с.
- Маслов К. Памятники партийного подполья // Горьковская правда. 1974. №256. 31 октября. С. 3.
- Маслов К.П. В.И. Ленин и создание нижегородской организации большевиков (1893–1903). Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1979. 272 с.
- Невзорова-Шестернина С.П. Страничка воспоминаний // Товарищ Ленин: воспоминания нижегородцев. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1969. С. 95-102.
- Нижегородский Сборник. Журналы Нижегородского губернского статистического комитета. Т. V. Н. Новгород, 1875.
- По поводу двух заседаний в Нижегородском Отделении Русского Императорского Технического Общества // Нижегородские губернские ведомости. 1885. №44. 30 октября. С. 5.
- «Прост, как правда». Воспоминания нижегородцев о В.И. Ленине. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1988. 416 с.
- Протокол XIV очередного собрания Нижегородской городской думы 14 июля 1894 г. Сборник памяти В.И. Снежевского. Действия НГУАК. Т. VII. Н.Новгород, 1908.
- Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. №5. С. 47-68.
- Фадеев В.П., Шульпин П.И., Парусов А.И. Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч. 1. 1891-1918. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1961. 503 с.
- Шестернин С.П. Моя вторая встреча с В.И. Лениным // Товарищ Ленин: воспоминания нижегородцев. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1969. С. 103-105.
- Уткина Надежда Алексеевна, аспирант кафедры истории России Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, сотрудник музея Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; cacula86@mail.ru**